

3. Демонизм, «социалистическая законность», национализм и возврат к нравственным устоям

Массовые репрессии — настоящая охота на «врагов народа», — приведшие даже к отторжению миллионов людей от общественного организма, осуществлялись параллельно с утверждением социалистической законности. В самый разгар террора и произвола идея законности оказалась спасительной для простого народа, поскольку помогала ему идентифицировать себя с системой и была удобной для власти, обеспечивая регулярное отправление функций государства. В народном сознании идея законности в некотором смысле дополняла традиционно присутствующую в нем идею «нечистой силы»: беды и неудачи объяснялись кознями врага, предательством. В этом смысле широкие публичные процессы по выявлению врагов, со своими героями (партийные и государственные руководители) и своими демонами (предатели, саботажники, шпионы), являли собой настоящие ритуалы по изгнанию «нечистой силы» и поэтому с большой легкостью усваивались сознанием простого народа, сбитого с толку и лишенного своих корней, теряющего почву под ногами в жестоком и беспрепятственно меняющемся мире. Истоки идеи демонизма, «нечистой силы» уходили корнями в целый комплекс религиозных и мифологических верований предков. Эта «деревенская демонология» основывалась на подлинно манихейском видении мира, по-прежнему составлявшем сердцевину мировоззрения простых людей, которых внезапно оторвали от вековых культурных устоев. Но, как справедливо отметил Моше Левин, идея демонизма, живущая глубоко в подсознании народа, ловко использовалась полуграмотной бюрократической верхушкой в своих целях. Очертания заговора ясно вырисовывались в точке пересечения политических устремлений руководства и культурно-психологических особенностей народа, пребывающего в состоянии тяжелого кризиса нравственных ценностей.

Одновременно и народные массы, и партийно-государственные кадры — все ощущали растущую необходимость в социальной защите, которая могла быть обеспечена только тщательно разработанной системой правопорядка, основанной на законности и конституционности, сколь бы формальный характер они ни носили. Торжество «социалистической законности» подтвердил VIII съезд Советов, приняв 5 декабря 1936 г. новую конституцию — «самую демократичную в мире» (по выражению Сталина). Новый основной закон страны знаменовал собой победу социализма — «начальной стадии коммунизма». Более пяти месяцев на бесконечных собраниях проходило всенародное обсуждение проекта новой конституции, в котором, по данным официальной статистики, приняло участие 55 млн. человек. По сравнению с конституцией 1924 г. изменялась избирательная система, структура центральных представительных органов, административно-территориальное деление страны. Вместо непол-

ного избирательного права, осуществлявшегося непрямым голосованием, вводились всеобщее избирательное право и прямое тайное голосование. Ограничения и неравенство в избирательных правах ликвидировались. Но повсеместно распространенная практика выдвижения единственного кандидата в депутаты, подобранного партийными органами, сводила все нововведения на нет. Формальный характер носили и преобразования в центральных представительных органах. Съезд Советов и Центральный исполнительный комитет заменил Верховный Совет СССР, состоящий из двух палат — Совета Союза и Совета Национальностей, избираемый всем населением каждые четыре года. Число входящих в состав Советского Союза республик увеличилось с семи до одиннадцати: две автономные республики — Казахстан и Киргизия — получили статус союзных, а вместо Закавказской республики были созданы три новые союзные республики — Армянская, Грузинская и Азербайджанская. Очень неожиданными и даже мистифицирующими оказались те статьи новой конституции, в которых шла речь о правах личности и гражданских свободах. В самый разгар творимого в стране беззакония эти статьи торжественно объявляли о введении принципа открытости всех судебных процессов, подтверждали право обвиняемых на защиту, провозглашали свободу печати и собраний, неприкосновенность личности, жилища и переписки.

Конституция закрепляла существование Советского государства уже не как переходной и открытой политической формы, а как некоторой данности, некоего целого, занимающего место в пространстве и времени. В этих изменениях угадывалось стремление реабилитировать идею государства, что в принципе противоречило марксистскому тезису о его отмирании. В 1936 г. этот тезис, ошибочно приписываемый теоретику государства и права Пашуканису и классический характер которого отныне отрицался, был охарактеризован Вышинским как «троцкистский и контрреволюционный». В марте 1939 г. Сталин разъяснил на XVIII съезде партии, что в условиях социализма, победившего в одной, отдельно взятой стране, находящейся под угрозой военного нападения извне, необходимо иметь достаточно сильное государство для защиты его завоеваний.

Такое сильное государство все больше ассоциировалось с государством русским. Все более настойчиво внедрялась в общественное сознание идея тождества марксизма-ленинизма и патриотизма. В 1934 — 1935 гг. была развернута широкая кампания по пересмотру истории, цель которой состояла в узаконивании преемственности сталинского и ленинского учений, а также в переоценке русского прошлого и истории отношений разных народов, входящих в состав Советского Союза. Мощь и огромное значение прежнего русского государства отныне представлялись как позитивные факторы русской и мировой истории в ее движении к революции. Кино и официальная пропаганда воспевали «подлинных героев», объективно способствовавших развитию страны, — Александра Невского (прославленного в 1939 г. фильмом С.Эйзенштейна), Дмитрия Донского, Петра Великого, А.Суворова, М.Кутузова (125-я годовщина Бородинского сражения была торжественно отпразднована в 1937 г.). Отметим, что до начала 30-х гг. официально признавалось, что Российская империя являлась «тюрьмой народов», а марксистская историческая школа М.Покровского осуждала колониальную политику Российского государства. Но в 1937 г. появился «Краткий курс истории СССР», который совершенно по-иному освещал историю отношений России с нерусскими народами. Колонизация не представлялась уже «абсолютным злом», а считалась «относительным благом» благодаря цивилизаторской роли русского государства. Советское государство, объединившее все народы в «добровольной» федерации, рассматривалось как преемник этой великой миссии.

Возрождение русского национализма являлось фактором, ведущим к консолидации значительной части русского общественного мнения. Но это был не единственный элемент в возрождаемой системе традиционных нравственных устоев, оказавшихся спасительными для общества, охваченного социальными бурями, сбитого с толку и крайне возбужденного. Вопреки революционным идеалам всеобщего равенства, вопреки культивировавшемуся ранее духу жертвенности во имя полного всеобщего освобождения приобретала значение и начинала все больше цениться идея личного преуспеяния, которая легла в основу новой иерархии должностей и привилегий и способствовала созданию новой элиты. Эта элита, свободная от всяких комплексов,

примиряла наконец стремление к материальному благосостоянию и социалистические добродетели. Она, по справедливому замечанию В.Дунхам, усвоила все стереотипы мышления и образ жизни мелких буржуа.

Одним из наиболее важных моментов возрождения прежних нравственных устоев была социальная реабилитация семьи. Теоретик семьи В.Вольфсон заявил в 1936 г., что она не исчезает при социализме, а укрепляется. Вскоре — одновременно с осуждением «левацкой фразеологии», которая, по мнению властей, способствовала сильному увеличению числа аборт (в Москве три аборта на одно рождение в 1934 г.), разводов (48 разводов на 100 браков в 1935 г.), росту детской преступности (особенно в тех семьях, где скрывающийся отец уклонялся от какого-либо участия в воспитании детей), — был принят ряд мер, направленных на укрепление семьи. Постановление от 27 июня 1936 г. запрещало аборты и их пропаганду, увеличивало пособия матерям и усложнило развод (обязательное присутствие обоих супругов, записи в паспорте, строгий контроль за выплатой алиментов). Впредь семья рассматривалась как ячейка советского общества. Такие взгляды получили еще большее развитие в связи с войной.